

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 801:001.8

*С.К. Гураль***МИРОВОЗЗРЕНИЕ, КАРТИНА МИРА, ЯЗЫК:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СООТНОШЕНИЯ**

Проанализированы различные подходы к пониманию термина «картина мира». Понятие «картина мира» зачастую отождествляется с мировоззрением. Сам термин также может употребляться в более узком смысле – когда речь идет об основных типах теоретического знания.

Быстро меняющиеся социально-экономические и политические обстоятельства современной жизни выдвигают новые требования к изучению окружающей действительности. Вхождение человека в новый цикл цивилизационного развития и поиск путей решения глобальных проблем связаны с изменением типа научной рациональности и появлением новых функций и форм взаимодействия науки с другими сферами культуры. Сейчас уделяется большое внимание таким аспектам проблемы изменения типа научного познания, как гуманизация научного знания, придание ему человеческого измерения. Отмечается необходимость единства гуманитарного и естественно-научного познания, возможность нового синтеза науки, нравственности и искусства. Наука, с момента ее возникновения до наших дней, неоднократно изменяла свою форму, проходя через множество стадий эволюции, но только в XX в. она обрела мировоззренческие функции и стала создавать и развивать картину мира, претендуя на то, чтобы люди соотносили с ней свое миропонимание и деятельность.

Образ науки во многом определялся ее ролью в культуре. Роль коммуникатора, «переводчика» с языка научной теории, известного узкому кругу профессионалов, на язык быденного сознания, в область ментальности, играет научная картина мира. Через нее научные знания онтологизируются, обретают бытие в культуре. Термин «картина мира» весьма многозначен, что предполагает выяснение основных смыслов, в которых он употребляется. В современной философской и специальной научной литературе он применяется для обозначения мировоззренческих структур, лежащих в основе культуры определенной исторической эпохи. В этом смысле используются также термины «видение мира», «модель мира», «образ мира», характеризующие целостность мировоззрения. Структура картины мира при таком подходе задается через систему так называемых категорий культуры (универсалий культуры).

Расширенное толкование термина «картина мира» дало ряду исследователей, таких как А.Н. Чаньшев, Дж. Холтон, возможность отождествлять понятия мировоззрения и картины мира. Так, например, А.Н. Чаньшев отмечал, что под мировоззрением мы понимаем общую картину мира, т.е. более или менее сложную систематизированную совокупность образов, представлений и понятий, в которой и через которую осознают мир в его целостности и единстве. Однако в этом слу-

чае важно отметить, что мировоззренческий образ мира – это не только осмысление мира, знание о мире, но одновременно – система ценностей, определяющая характер мироощущения, переживания мира человеком, дающая определенную оценку тех или иных событий и явлений и, соответственно, активное отношение человека к этим событиям.

В западной философии науки в 80-х гг. XX в. происходила своего рода реабилитация понятий «мировоззрение» и «картина мира». На этот аспект проблемы обратил внимание Дж. Холтон. Он отмечал, что философия была вынуждена обратиться к данным феноменам тогда, когда возникла необходимость усложнения методологического анализа и, соответственно, появилась потребность в более тонком методологическом инструментарии. Вместе с тем, когда речь заходила о картине мира, то фактически она отождествлялась с мировоззрением. Понятие картины мира как синонима понятия мировоззрения как раз используется в концепции Дж. Холтона. Оно предстает у него как модель мира, которая обобщает опыт и сокровенные убеждения человека и играет роль своеобразной ментальной карты, с которой он сверяет свои поступки среди вещей и событий жизни. Ее основная функция – быть связующей силой, направленной на консолидацию человеческого общества.

В нашей философско-методологической литературе термин «картина мира» применяется не только для обозначения мировоззрения, но и в более узком смысле – когда речь идет об основных типах теоретического знания. В этом значении научная картина мира выступает как специфическая форма систематизации научного знания, соответствующая определенному этапу функционирования и развития науки. Этот смысл обозначился не сразу. Лишь по мере того, как развивалась философско-методологическая рефлексия над научной деятельностью, появилась возможность зафиксировать в качестве основного компонента науки некоторую интегративную систему представлений о мире, которая вырабатывается в результате синтеза знаний, получаемых в различных областях научного исследования, и которая впоследствии получила название научной картины мира.

Исследование научной картины мира вначале проводилось на материале физико-математического знания; для этого имелись все основания, поскольку физика раньше других наук достигла высокого уровня теоретизации. Но многочисленные исследования, прове-

денные в последние десятилетия, подтвердили предположение о существовании в различных науках общих форм систематизации знания, задающих обобщенное видение предмета исследования и аналогичных по своим функциям физической картине мира. Понимание этого позволило методологам рассматривать специальные картины мира, причем не только в аспекте дисциплинарных исследований, но и в междисциплинарном, как важные аспекты формирования общенаучной картины мира.

Одной из гуманитарных дисциплин, где используется понятие «картина мира», является языкознание. В этой связи хотелось бы подробнее остановиться на отношении «язык и культура». Язык отражает действительность, создает свою картину мира, специфическую и уникальную для каждого языка и, соответственно, народа, этнической группы, речевого коллектива, использующего данный язык в качестве средства общения.

Прежде всего, язык – это средство общения между людьми, и он неразрывно связан с развитием того народа, который говорит на этом языке. Наличие теснейших связей между языком и его носителем очевидно и не вызывает сомнений. Общественная природа языка проявляется как во внешних условиях его функционирования в данном обществе, так и в самой структуре языка: синтаксисе, грамматике, лексике и т.д. Рассматривая язык как средство общения, как систему знаков, кодов, лингвисты создали теоретическую модель языка как системы знаков – семиотическую модель.

Человек воспринимает и осознает мир посредством органов чувств и на этой основе создает систему представлений о мире, которые являются уже ментальными конструкциями, выраженными в высказываниях, образах, знаках. Пропустив их через свое сознание, осмыслив результаты восприятия, человек передает их другим членам сообщества. Язык как способ выразить мысль и передать ее от человека к человеку неразрывно связан с мышлением. Соотношение языка и мышления, а также их взаимодействие с культурой и действительностью – вечный сложнейший вопрос и языкознания, и философии.

Слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете; понятие же составляется на уровне обобщения неких основных признаков, образующих это понятие, и представляет собой абстракцию, отвлечение от конкретных черт. Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, климатом, верованиями, традициями, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания. Поскольку наше сознание обусловлено разными формами общественного сознания (образом жизни, обычаями, традициями и т.д., т.е. всем тем, что выше определялось словом «культура» в его широком этнографическом смысле), а также индивидуальными особенностями (специфическим восприятием мира, свойственным конкретному индивидууму), то можно утверждать, что когнитивная модель действительности является не ее копией и не чистым представлением, а сложной системой, сконструированной во взаимодействии челове-

ка, реальности, языка, социально-культурных ценностей и стереотипов мышления и коммуникации.

Таким образом, язык, мышление и культура взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, из этих трех компонентов, ни один из которых не может существовать без двух других. Итак, окружающий человека мир, или жизненный мир, представляет собой реальность не саму по себе, а реальность, спроецированную на человеческий способ бытия. Эти проекции различаются по областям деятельности: культура, общенаучная картина мира, частнонаучная картина мира. К частнонаучным относится и языковая картина мира.

Идея национально-специфических языковых картин мира зародилась в немецкой филологии конца XVIII–начала XIX в. (Михаэлис, Гердер, Гумбольдт). Речь идет, во-первых, о том, что язык как идеальная, объективно существующая культура подчиняет себе, организует восприятие мира его носителями; во-вторых, о том, что язык – система чистых значимостей – образует собственный мир, как бы наклеенный на мир действительный.

Вопрос о соотношении культуры и языковой картин мира чрезвычайно сложен и многопланов. Его суть сводится к различиям в преломлении действительности в языке и культуре. В книге «Человеческий фактор в языке» утверждается, что концептуальная и языковая картины мира соотносятся друг с другом как целое с частью: языковая картина мира – это часть культурной (концептуальной) картины мира, хотя и самая существенная. Однако языковая картина мира беднее культурной, поскольку в сознании последней участвуют наряду с языковыми и другие виды мыслительной деятельности, а также в связи с тем, что знак всегда неточен и основывается на каком-либо одном признаке.

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, правильнее все-таки говорить не об отношении «часть – целое». Безусловно, язык – часть культуры, но и культура – только часть языка. Значит, языковая картина мира не полностью поглощена культурной, если под последней понимать образ мира, преломленный в сознании человека, т.е. мировоззрение человека, сформировавшееся в опыте физической и духовной деятельности.

Таким образом, определение картины мира, данное в книге «Человеческий фактор в языке», не принимает во внимание физическую деятельность человека и его физический опыт восприятия окружающего мира: «Наиболее адекватным пониманием картины мира является ее определение как исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего существенные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека». Однако духовная и физическая деятельность неотделимы друг от друга, и исключение любого из этих двух составляющих неправомерно, если речь идет о культурно-концептуальной картине мира.

Все попытки разных лингвистических школ отделить язык от действительности, лишить онтологического смысла потерпели неудачу по простой и очевидной причине: необходимо принимать во внимание не только языковую форму, но и содержание – таков единственно возможный путь всестороннего исследования любого явления. Содержание, семантика, значение языковых единиц,

в первую очередь слова, – это соотнесенность некоего звукового (или графического) комплекса с предметом или явлением реального мира. Языковая семантика открывает путь из мира собственно языка в мир реальности. Этот путь обусловлен культурными представлениями о предметах и явлениях культурного мира, свойственных данному речевому коллективу в целом и индивидуальному носителю языка в частности.

Разумеется, национальная культурная картина мира первична по отношению к языковой. Она полнее, богаче и глубже, чем соответствующая языковая. Однако именно язык реализует и вербализует, онтологизирует национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения поколение. Язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но способен описать все.

Наиболее наглядной иллюстрацией может служить слово, основная единица языка и важнейшая единица обучения языку. В процессе усвоения чужого, нового языка человек одновременно усваивает чужой, новый мир. С каждым новым иностранным словом учащийся как бы транспонирует (переносит) в свое сознание, в свой мир понятие из другого мира, другой культуры. Таким образом, изучение иностранного языка (особенно на начальном, достаточно продолжительном этапе, дальше которого многие, изучающие язык, не продвигаются) сопровождается своеобразным раздвоением личности. Именно эта необходимость перестройки мышления, перекраивания собственной, привычной, родной картины мира по чужому, непривычному образцу и представляет собой одну из главных трудностей (в том числе и психологическую) овладения иностранным языком, причем трудность неявную, не лежащую на поверхности, часто вообще не осознаваемую учащимися (а иногда и учителями), что, по-видимому, и объясняет недостаток внимания к этой проблеме.

Одно и то же понятие, одна и та же часть реальности имеет разные формы языкового выражения в разных языках – более или менее полные. Слова разных языков, обозначающие одно и то же понятие, могут различаться семантической емкостью, могут покрывать разные части реальности, которые могут различаться размерами в разных языках в зависимости от объема понятийного материала, получающегося в результате отражения в мозгу человека окружающего мира. Способы и формы отражения, так же как и формирование понятий, обусловлены, в свою очередь, спецификой социокультурных и природных особенностей жизни данного речевого коллектива: расхождения в языковом мышлении проявляются в ощущении избыточности или недостаточности форм выражения одного и того же понятия, по сравнению с родным языком, изучаемого иностранного языка.

Понятие языковой и культурной картины мира играет важную роль в изучении иностранного языка. Действительно, интерференция родной культуры осложняет коммуникацию ничуть не меньше родного языка. Изучающий иностранный язык проникает в культуру носителей этого языка и подвергается воздействию заложенной в нем культуры. На первичную картину мира родного языка и родной культуры накладывается вторичная картина мира изучаемого языка. Вторичная картина мира, возникающая в процессе изучения иностранного языка и куль-

туры, – это не столько картина, отражаемая языком, сколько картина, создаваемая им.

Взаимодействие первичной и вторичной картин мира – сложный психологический процесс, требующий отказа от собственного «я» и приспособления к другому видению мира. Под влиянием вторичной картины мира происходит переформирование личности. Разнообразие языков отображает разнообразие мира, новая картина высвечивает новые грани, при этом старые грани затеваются.

Обусловленность мышления социокультурными факторами, и прежде всего, языком, исследована философами и культурологами основательно. Особенно пристальное внимание анализу связи сознания, бытия и языка стало уделяться после так называемого лингвистического «поворота» в философии, начало которому было положено в философии экзистенциализма и в феноменологии. У М. Хайдеггера язык стал толковаться как медиум бытия: «язык – дом бытия». У Гадамера язык – не только инструментальное средство выражения, но и процесс диалога, который ведут между собой бытие и мышление, «вещи сами по себе» и человеческое знание о них. Язык становится средой, в которой индивидуальное человеческое существо проявляется через целое, через социальность. В герменевтике тем самым задается иной, нежели инструменталистский, подход к языку. По мнению Гадамера, правильнее считать, что язык говорит нами, чем что мы изъясняемся языком. Язык мыслит себя через человека, и способом осуществления этого является «спекулятивная игра языка». Играет не субъект, играет игра, становясь сама субъектом игрового движения.

Более системно язык исследован в постструктурализме, составляющем философское содержание постмодернизма и формирующем текстовую картину реальности. М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез считают, что язык – это способ мироистолкования, предпосланный любому акту рефлексии. Язык никогда не есть язык говорящего, но всегда язык беседы, которую ведут с нами вещи. М. Фуко представляет язык как видоизмененную природу, как образ мира. Для обоснования этого тезиса он обобщил формы письма: евреи, сирийцы, египтяне, арабы, турки, персы, мавры, татары пишут справа налево, следуя ходу и ежедневному движению первого неба; греки, грузины, римляне и все европейцы пишут слева направо, следуя ходу и движению второго неба, совокупности семи планет; индусы, китайцы, японцы пишут сверху вниз, что соответствует установлению природы, согласно которой у людей голова вверх, а ноги вниз; мексиканцы пишут то снизу вверх, то спиральными линиями, прочерчиваемыми солнцем в ходе его годового движения по зодиаку.

В целом философский анализ языка так или иначе связан с анализом способа бытия, зафиксированного в языке. Интересно, что трактовка бытия в разных странах, этносах различна. «Бытие» на русском не равно бытию на немецком. Если перевести на древнерусский слово «бытие», то это будет «а во есмь» (я вот здесь), созвучное русскому «авось». Способ бытия для русского человека часто связан с этим «авось как-нибудь выкрутимся».

Проект «синергетика и язык» – область гуманитарного освоения синергетики. По гипотезе лингвистической относительности Сепира–Уорфа каждый язык несет в

себе свою собственную онтологию. Механический образ природы подчинил себе и дискурс в естествознании, диктовал и свой язык: субъект|к объект, наблюдатель, наблюдаемое, сила, тело, масса... В рамках синергетического видения, в рамках новой онтологии будет складываться новый язык науки, что уже и происходит.

Эдвард Сепир – выдающийся американский языковед и культуролог XX в. – оказал и продолжает оказывать большое влияние на развитие современных лингвистических концепций. Важными аспектами его теории являются рассмотрение связи языка и мышления, языка и культуры, а также формирование концепции «языковой относительности», утверждающей возможность самого различного и несоизмеримого друг с другом символического выражения всех мыслительных разновидностей нашего опыта в разных языках и несопоставимость функционирования языка и культуры, их относительную самостоятельность. Первый аспект (соотношение языка и мышления) концепции «языковой относительности» вызывает значительный интерес современных лингвистов к когнитивным процессам языкового и речевого функционирования и находит выражение в описании языковой картины мира. Другой аспект – соотношение языка и культуры – в меньшей степени обсуждается в лингвистической литературе. Между тем, в трудах Э. Сепира высказывается много интересных мыслей как для лингвистики, так и для культурологии.

Под культурой Э. Сепир понимает то, что данное общество думает и делает. Язык же есть то, как оно думает. Это чисто человеческий, не инстинктивный способ передачи мыслей, эмоций и желаний посредст-

вом системы специально производимых символов. В языке им выделяются две стороны: содержательная и формальная. И поэтому, когда Э. Сепир анализирует взаимодействие языка и культуры, он имеет в виду разграничение этих сторон и признает содержательную сторону языка (лексикон) тесно взаимосвязанной с культурным развитием, а формальную (синтаксическую) сторону ни в коей мере с развитием культуры не соотносящейся.

В работе «Язык. Введение в изучение речи» он пишет: «Дрейф культуры, ее история, есть сложный ряд изменений в инвентаре отобранного обществом опыта – приобретений, потерь, изменений в оценках и в системе отношений». Дрейф языка вовсе не связан с изменениями формального выражения, не является чисто субъективистской деятельностью, а есть составляющая естественно-исторического процесса эволюции. Поэтому, заключает Сепир, лучше будет, если мы признаем развитие языка и развитие культуры.

Наблюдения за преподавателями иностранных языков, которые постоянно подвергаются их воздействию, показали, что русские преподаватели кафедр английского, немецкого, французского и других языков приобретают определенные черты национальной культуры тех языков, которые они преподают. Становятся очевидными необходимость самого пристального изучения межъязыковых соответствий и актуальность этой проблемы для оптимизации межкультурного общения, а также совершенствования методов преподавания иностранных языков, для теории и практики перевода, лексикографии.

Статья поступила в редакцию журнала 18 декабря 2006 г., принята к печати 25 декабря 2006 г.